

Блудов и своими рассказами всех занимал. Тут бывали Жуковский, Пушкин, А.И. Тургенев, Хомяков, П. Мухомов, Титов и многие другие. Вечера начинались в 10 и длились до 1 и 2 часов ночи; разговор редко умолкал. Сама Карамзина была женщина умная, характера твердого и всегда ровного, сердца доброго, хотя, по видимому, с первой встречи холодного. Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски.

А.И. Кошелев

II*

Самой остроумной и ученой гостиной в Петербурге была, разумеется, гостиная г-жи Карамзиной, вдовы известного историка. Здесь же царствовал элемент чисто литературный, хотя и бывало также много людей светских. Все, что было известного и талантливое в столице, каждый вечер собиралось у Карамзиных; приемы отличались самой радушной простотой; дамы приезжали в простых платьях, на мужчинах фраки были цветные и то потому, что тогда другой одежды не носили. Но, несмотря на это, приемы эти носили отпечаток самого тонкого вкуса, самой высокопробной добропорядочности.

Я ранее обыкновенного отправился вечером к Карамзиным. У них каждый вечер собирался кружок, состоявший из цвета тогдашнего литературного и художественного мира: Глинка, Брюллов, Даргомыжский, словом, что носило известное в России имя в искусстве, прилежно посещало этот радушный, милый, высоко эстетический дом. Едва я взошел в тот вечер в гостиную Карамзиных, Софья Карамзина стремительно бросилась ко мне навстречу, схватила мои обе руки и сказала мне взволнованным голосом:

* Воспоминания графа В.А. Соллогуба. П., 1887.

— Ах, Владимир, послушайте, что Лермонтов написал, какая это прелесть! Заставьте сейчас его сказать вам эти стихи!

Лермонтов сидел у чайного стола; вчерашняя веселость с него «соскочила»*, он показался мне бледнее и задумчивее обыкновенного. Я подошел к нему и выразил ему мое желание, мое нетерпение услышать тотчас вновь сочиненные им стихи.

Он нехотя поднялся со своего стула.

— Да, я давно написал эту вещь, — проговорил он и подошел к окну.

Софья Карамзина, я и еще двое-трое из гостей окружили его, он оглянул нас всех беглым взглядом, потом точно задумался и медленно начал:

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане...

И так далее. Когда он кончил, слезы потекли по его щекам, а мы, очарованные этим едва ли не самым поэтическим его произведением и редкой музыкальностью созвучий, стали горячо его хвалить.

— *C'est du Pouchkine cela*, — сказал кто-то из присутствующих.

— *Non, c'est du Лермонтов, ce qui vaudra son Pouchkine!* — вскричал я.

Лермонтов покачал головой.

— Нет, брат, далеко мне до Александра Сергеевича, — сказал он, грустно улыбнувшись, — да и времени работать мало остается, убьют меня, Владимир.

Предчувствие Лермонтова сбылось; в Петербург он больше не вернулся; но не от черкесской пули умер ге-

* В. Соллогуб накануне видел Лермонтова на балу И. Воронцова-Дашкова. Лермонтов говорил ему, что по возвращении из ссылки он будет издавать «толстый журнал».

ниальный юноша, и на русское имя кровавым пятном легла его смерть.

В.А. Соллогуб

III*

Салон Е.А. Карамзиной в течение двадцати и более лет был одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света. Историк Карамзин не принадлежал ни по своему происхождению, ни по состоянию к тому кругу, который принято называть высшим петербургским светом, ни к той аристократии, правда, более или менее случайной, которая, тем не менее, имеет претензию составлять обособленную касту. Однако благодаря своему таланту и своим работам Карамзин рано привлек к себе расположение императора Александра I; он был принят при дворе и стал близким человеком при императрицах Марии Федоровне и Елисавете Алексеевне; великая княгиня Екатерина Павловна питала к нему самые дружественные чувства. Он был связан тесной дружбой с Жуковским, которому впоследствии было поручено воспитание наследника, и с Вяземским, на внебрачной сестре которого он был женат. Вся литературно образованная и культурная молодежь моего времени принадлежала к высшим слоям русского общества, и Карамзин незаметным образом, как-то само собой, сделался руководителем и центром того литературного кружка, который в то время являлся и наиболее аристократическим кружком. После смерти Карамзина весь этот литературный мир продолжал группироваться вокруг его вдовы; так случи-

* *А.Ф. Тютчева*. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853—1855. М., 1928, с. 69—73.